

Дома. Во второмъ отдѣлѣ имъ помѣщены нѣкоторыя произведенія Пушкина, Гоголя, Диккенса, Мопассана. Но и эти творенія Толстой упрекаетъ за то, что они изобилуютъ подробностями относительно времени, мѣста, разныхъ условій жизни, а подробности загромождаютъ главныя мысли. Таковы невыгодныя особенности этихъ произведеній въ отличіе отъ простыхъ, напримѣръ, отъ библейской исторіи Иосифа, которая понятна всѣмъ и внѣшнѣнациональна.

Къ дурному искусству Толстой относитъ все, что вызываетъ исключительныя чувства и состоянія: прелесть жизни богатыхъ и праздныхъ людей, чувства сословной чести, тоски, пессимизма, развращенности. Символическія художественныя произведенія также дурны въ тѣхъ случаяхъ, когда значеніе символовъ понятно только тѣсному кругу. Но всего хуже искусство, которое изображаетъ сладострастіе. Слѣдуетъ отрицать и презирать его.

Отличеніе истинно художественнаго созданія отъ фальшиваго затрудняется тѣмъ, что внѣшнія достоинства работы часто бывають въ послѣднемъ лучше, нежели въ первомъ. Рабочій человѣкъ, если его вкусъ не извращенъ городской жизнью, легко выбираетъ изъ тысячи предметовъ именно тотъ, который нуженъ ему. Большинство же людей нашего общества не могутъ отличить произведеніе искусства отъ самыхъ грубыхъ поддѣлокъ. Большею частію, эти люди предпочитаютъ ложныя произведенія и проходятъ безъ вниманія мимо предметовъ истиннаго искусства.

Толстой отвергаетъ установившееся мнѣніе о правдѣ въ искусствѣ²⁸⁾. Правды нѣтъ, говоритъ онъ, когда описываешь то, что есть; правда только тамъ, гдѣ изображается то, что должно быть. Именно это и образуетъ правду Царствія Божія. Безчисленныя книги, въ которыхъ говорится о томъ, что было или могло быть, очень далеки отъ правды, если авторы не знаютъ, что хорошо, что дурно, и не указываютъ того единаго пути, который ведетъ къ Царствію Божію. Сказки, притчи, басни, легенды, описывающія то, чего никогда не бывало и не могло быть, являются правдой, ибо показываютъ, въ чемъ воля Божія всегда была, есть и будетъ.

Изображаютъ въ безчисленныхъ книгахъ, какъ человѣкъ живетъ для своихъ страстей, мучится, мучитъ другихъ, терпитъ нужду, выбивается изъ бѣдности и соединяется съ предметомъ своей любви, въ концѣ концовъ дѣлается богатъ и счастливъ. Такія книги, хотя бы въ нихъ не было ничего невѣроятнаго, являются